

**Политические режимы переходного периода:
российские регионы в сравнительной перспективе**

Владимир Гельман,
кандидат политических наук, доцент Европейского Университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 3
тел. (812) 2755133, факс (812) 2755139, e-mail: gelman@eu.spb.ru

Цитирование и ссылки на доклад только с разрешения автора

Владимир Гельман

Политические режимы переходного периода: российские регионы в сравнительной перспективе *

Введение: загадка переходов

Для большинства западных и российских исследователей, анализирующих текущие политические тенденции в России, оценки политического режима, укладываемые в формулу "между авторитаризмом и демократией", становятся общим местом. Различные определения типа "квази-", "полу-", "прото-" и прочих "демократий с прилагательными" (Collier and Levitsky, 1997) широко используются в последние годы (см. обзоры: Гельман, 1997, Вайнштейн, 1997). Но насколько релевантны эти (и другие) подходы для анализа процесса перехода в России? Невозможно дать ответ на этот вопрос без рассмотрения политического развития России в сравнительной перспективе.

Сравнительно ориентированный подход к изучению политики в той или иной стране имеет два различных, хотя и пересекающихся измерения. Первое, наиболее распространенное в политической науке, связано с кросснациональными сравнениями. Действительно, в последнее время было опубликовано немало книг и журнальных статей, в которых опыт перехода от авторитарного правления в России сравнивался с аналогичными процессами в Восточной Европе, Латинской Америке и Южной Европе (см., например: Linz and Stepan, 1996). Хотя сравнение перехода в России с другими постсоветскими странами, возможно, открывает более широкие познавательные перспективы, работы такого рода пока относительно редки (см. Furman, 1999). Хотя теоретические основания и выводы кросснациональных сравнений остаются неочевидными (см. полемику: Schmitter and Karl, 1994, 1995; Bunce, 1995a, 1995b), тем не менее, этот исследовательский подход становится все более распространенным при изучении современной российской политики.

Одновременно с этим, другое измерение сравнительных исследований российской политики, основанное на кроссрегиональных (т.е. внутринациональных) сравнениях, остается на периферии внимания западных и российских специалистов. Хотя результаты некоторых сравнительных исследований были опубликованы в последние годы, они затрагивали отдельные аспекты эффективности управления (Stoner-Weiss, 1997), сепаратизма (Treisman, 1997), губернаторских выборов (Solnick, 1998) или просто описывали современное политическое развитие регионов без использования каких-либо специальных теоретических рамок (McAuley, 1997, Kirkow, 1998). Более того, хотя отдельные исследования случаев (case studies) трансформации политических режимов в регионах России публиковались в виде статей (Melvin, 1998) или даже монографий (Ortung, 1995), их авторы уделяли малое внимание сравнительному аспекту своих работ (см. Lijphart, 1975).

* Доклад подготовлен по материалам исследовательского проекта "Россия регионов", выполненного при поддержке фонда Фольксваген (координаторы проекта – Владимир Гельман, Сергей Рыженков, Михаэль Бри). На начальном этапе исследование было поддержано Московским общественным научным фондом. Предыдущая версия доклада представлена на 31-й конференции Американской ассоциации развития славистских исследований (Сент-Луис, ноябрь 1999).

Вместе с тем, постсоветский период политического развития российских регионов явно демонстрирует эффекты широкомасштабной диверсификации переходных процессов, в свою очередь, отражающей противоречия процессов демократизации и децентрализации в российской политике в целом (Gel'man, 1999). Во второй половине 1990-х годов описания вариантов политических режимов российских регионов включали элементы плюралистической демократии в Санкт-Петербурге (Ortung, 1995; McAuley, 1997; Гельман, 1998), авторитаризма в Калмыкии (Магомедов, 1995; Сенатова, 1996), даже феодальной усобицы ("warlordism") в Приморском крае (Kirkow, 1995; 1998), и некоторых гибридных режимов в других регионах России (Hahn, 1997; Afanas'ev, 1997). Таким образом, исследователи политики в регионах России оказываются перед необходимостью поиска объяснений этих различий. В самом деле, почему бывшие административные единицы советской политической системы развиваются в столь различных направлениях за последние десять лет? Как мы можем объяснить причины сходства и различия политического развития в различных регионах России?

Более общий вопрос, встающий при кроссрегиональном сравнении, так же как и при сравнении национальных и региональных политических процессов в России, можно сформулировать так: происходит ли в российских регионах переход к демократии? Являются ли регионы менее или более "демократическими", чем Россия в целом, и почему одни регионы более успешны на пути перехода, чем другие. Иначе говоря, эти вопросы служат прелюдией к более общей "загадке" ("puzzle"): почему одни общества успешно переходят к демократии, в то время как в других переходы приводят либо к падению прежних режимов без установления демократического правления либо даже к установлению нового недемократического режима?

Перспектива, представленная в настоящем докладе, основана на результатах сравнительного исследования переходов в шести регионах России** (с привлечением других сравнительных референтов). Это – попытка решения "загадки" переходов, при которой регионы России рассматриваются как своего рода лаборатория различных моделей политической трансформации. В первой части доклада представлен ряд теоретических и методологических рассуждений об использовании моделей демократии и политических режимов в постсоветских обществах и переформулирован ряд их положений с целью более эффективного анализа. Далее, попытка объяснить возникновение различных региональных политических режимов в России будет опираться на анализ случаев отдельных российских регионов. В заключении доклада предложена модель "обусловленного пути" постсоветских переходов и рассмотрены некоторые проблемы повестки дня дальнейших исследований.

Демократия и политические режимы в постсоветском контексте

Поиски решения нашей "загадки" требуют применения и развития ряда теоретических положений, связанных с определениями демократии и политических режимов. Действительно, говоря о демократизации, любой исследователь явно или неявно соотносит свои представления с различными теоретическими моделями демократии (Held, 1996). Как правило, речь идет об элементах двух основных школ теории демократии, представленных как, соответственно, модели "соревновательного элитизма" и "плюрализма". Первая модель, связанная с именем Йозефа Шумпетера,

** Результаты исследования представлены в монографии "Россия регионов. Трансформация политических режимов", которая находится в печати в московском издательстве "Весь мир".

рассматривает демократию как способ правления, основанный на электоральной конкуренции (Schumpeter, 1947: 269), и носит одномерный характер. Согласно этому подходу, регулярное проведение свободных и справедливых выборов есть минималистский критерий демократии (Huntington, 1991, Schmitter and Karl, 1991). Вторая модель, ассоциирующаяся с классической схемой "полиархии" Роберта Даля, включает два измерения демократии – соревновательность акторов и массовое участие (Dahl, 1971: 2-6). Даль, используя концепцию полиархии, представил матрицу идеальных типов политических режимов:

Таблица 1. Модели политических режимов по Р.Далю

Соревновательность акторов/Массовое участие	Низкое	Высокое
Высокая	Соревновательная олигархия	Полиархия
Низкая	Гегемония	Инклюзивная гегемония

На первый взгляд, применимость обеих этих моделей для анализа политических режимов в России и ее регионах вполне очевидна. Использование минималистского подхода при анализе электоральной соревновательности в российских регионах дает основания для выводов о более или менее успешной демократизации. Смена власти посредством выборов (хотя еще не создающая демократию сама по себе) произошла в почти половине регионов России, где губернаторы (как правило, назначенные Президентом) теряли посты по итогам выборов 1996-1997 годов (см. Belin, 1997; Голосов, 1997; Solnick, 1998; Gel'man, 1999). Но такого рода описание не только игнорирует многие кроссрегиональные различия, но и оставляет за пределами внимания иные, нежели демократические, варианты политического развития. Выборы, сопровождающиеся процедурными манипуляциями, запугиванием и подкупом избирателей, фальсификациями итогов голосования и т.д., едва ли можно считать демократическими даже в случае поражения на них инкубентов. Электоральная конкуренция даже в наиболее "демократических" регионах остается неустойчивой и зависящей от расстановки сил политических акторов. Примером этому может служить отмена результатов выборов мэра Нижнего Новгорода в марте 1998 года, когда неожиданно для региональных и федеральных органов власти победу на них одержал "неправильный" кандидат с криминальным прошлым (Gel'man, 1999).

Кроме того, на уровне национальной политики, электоральная подотчетность в России не стала (по крайней мере, пока) механизмом смены власти. Ни разу выборы не влекли за собой потерю поста президентом или полную смену состава правительства страны. Ни разу изменения правительственного курса не определялись итогами выборов. Ни разу выборы, даже будучи свободными в плане доступа кандидатов и партий к участию в них, не были справедливыми в отношении распределения ресурсов вообще и использования государственного аппарата как орудия для переизбрания инкубента любой ценой в частности. Наконец, несмотря на обилие выборов 1989-2000 годов на всех уровнях власти, в России не были созданы институциональные гарантии против отмены или переноса выборов в случае их нежелательного для инкубента исхода (о роли выборов в российской трансформации см. Gel'man and Eizarov, 1999). Эти очевидные дефекты электорального минимализма при оценке процесса

демократизации не являются специфически российским или постсоветским феноменом. Критика "электорализма", основанная на анализе опыта стран Африки и Латинской Америки, фиксирует внимание на слабости институциональных основ демократии (Diamond, 1996) и угрозы отказа от "горизонтальной" подотчетности избранных лидеров (см. O'Donnell, 1994, 1996, 1998). Таким образом, хотя выборы и электоральная конкуренция являются необходимым условием демократии, они не могут быть расценены как исчерпывающий критерий демократии в качестве "единственной признаваемой всеми игры" ("the only game in town") (Linz, 1990: 156; Linz and Stepan, 1996).

Однако потенциал двухмерной схемы полиархии дает немного полезного в поиске источников демократизации в постсоветском обществе. В самом деле, что мы можем узнать нового о процессах постсоветских переходов, используя второе измерение демократии по Далю – политическое участие? Советское общество в рамках этой схемы может быть описано как инклюзивная гегемония, в рамках которой полноценное массовое участие существовало и прежде, хотя и не сопровождалось электоральной соревновательностью, то есть, не имело отношения к демократии. Крушение коммунистического режима, однако, не привнесло заметных сдвигов в возникновении демократических форм политического участия – таких, как партийный активизм или деятельность низовых местных ассоциаций (см. Verba, Nie and Kim, 1978). Напротив, в известной мере политический активизм в постсоветской России был связан с репродуцированием советского "наследия", но не являлся продуктом демократизации (см. McAllister and White, 1994). Скорее, возникновение местных "политических машин" в качестве инструмента массовой мобилизации и контроля взамен существовавших ранее "приводных ремней" КПСС (см. Brie, 1997) во многом препятствовало возникновению "гражданских" форм политического участия (Putnam, 1993). Даже тогда, когда подобного рода деятельность внешне напоминала западные образцы, на практике она не имела отношения к "гражданственности". Так, большой рост числа "независимых" общественных организаций в Новгородской области – высокий даже в сравнении с "гражданской" Северной Италией (см. Perto, 1999: 243-244), трудно рассматривать как свидетельство "истории успеха" демократизации: инкумент-губернатор, опираясь на поддержку тех же "гражданских" ассоциаций, успешно предотвратил существование политической конкуренции в регионе, набрав на выборах свыше 90% голосов. В более широком плане, в условиях широкого распространения клиентелизма, иногда рассматриваемого как принципиальная характеристика отечественной политической культуры (см. Афанасьев, 1997), эффект воздействия политического участия как такового на процесс демократизации не может быть значительным, что называется, "по определению". Как показывают некоторые кросснациональные сравнения, возникновение "гражданской культуры" является следствием, а не причиной установления демократии (Muller and Seligson, 1994). Иными словами, как отмечал Стивен Фиш, "демократия создает демократов, а не наоборот" (Fish, 1995: 79).

Наконец, обе модели демократии – по Шумпетеру и по Далю – оперируют идеальнотипическими описаниями режимов и были созданы для выявления различий между демократическими и недемократическими режимами на протяжении большей части XX века. Но они слабо пригодны для описания смешанных форм правления – гибридных "демократий с прилагательными" (Collier and Levitsky, 1997), которые становятся все более распространенными в реальном мире (включая постсоветские общества). Но поскольку эти подходы не могут служить эффективным инструментом в решении нашей "загадки", последующая дискуссия будет связана с поиском новых

рамки для анализа как региональных политических режимов, так и постсоветской политики в целом.

Говоря о демократии и/или других результатах процесса перехода, мы вынуждены обратиться к понятию политического режима и к типологии режимов. Термин "политический режим" в политической науке применяется в различных контекстах – начиная от конституционных моделей (например, президентские или парламентские режимы) и кончая формами правления в целом (например, тоталитарные режимы). Однако, эти классификационные схемы не всегда применимы к изучению процесса перехода, когда формы правления, не говоря уже о правовых нормах, меняются подчас значительно и стремительно. В свете этих ограничений, понятие политического режима подлежит переосмыслению. В этом смысле, полезно говорить о политическом режиме как об исчерпывающем определении конкретной политической единицы (polity) по типу определения конкретного вида игры. Если мы должны описать различия между теми или иными видами игр – например, между шахматами и теннисом, то таких различий будет как минимум два: 1) различие между участниками каждой из игр (включая различие их ресурсов и стратегий); 2) различие между наборами правил каждой из игр. Аналогично описанию различия игр, описание различий политических режимов носит чисто функциональный характер. "Политический режим" как особый тип политической игры представляет собой набор: 1) политических акторов с их ресурсами и стратегиями; 2) политических институтов, которые в данной работе рассматриваются в рамках неоинституционального подхода как набор формальных и неформальных правил и норм (North, 1990).

Таким образом, использование данного определения требует от нас пересмотра типологии политических режимов, предложенной Далем. В рамках сходной по логике построения двумерной матрицы основными измерениями становятся наборы акторов и институтов. Первое измерение может быть представлено в виде шкалы, на одном конце которой находится политический режим с доминирующим актором (способным осуществлять любые действия без согласия на то любого иного актора), на другом конце – политический режим с неограниченной конкуренцией акторов. Это задает своего рода дихотомию моноцентрических (неконкурентных) и полицентрических (конкурентных) режимов, что отчасти дублирует описанную выше шумпетерианскую схему. Однако, помимо набора акторов (электорального измерения) политического режима, институциональное измерение включает тип преобладающих политических институтов. Это измерение режимов включает два идеальных типа, основанных на преобладании: 1) формальных институтов (таких, как конституционализм, разделение властей, законодательство, выборы, политические партии и т.д.) или 2) неформальных институтов, или наборов неформальных практик (таких, как партикуляризм, клиентелизм, коррупция и т.д.). Преобладание формальных институтов более или менее явно ассоциируется с принципом верховенства права ("rule of law"). Напротив, преобладание неформальных институтов (в условиях, когда формальные институты существуют, но играют незначительную или фасадную роль по отношению к неформальным практикам) может быть определено как господство произвола ("arbitrary rule").

В известной мере эта оппозиция формальных и неформальных институтов перекликается с веберовскими идеальными типами рационально-легального и харизматического господства. Однако формальные и неформальные институты не только находятся во взаимной оппозиции, но и очевидно дополняют друг друга: там, где отсутствует rule of law, регулирование осуществляется через нормы arbitrary rule. Там, где не работают суды и налоговая инспекция, уплата налогов и возврат долгов

осуществляется с помощью силового предпринимательства (Volkov, 1999); там, где правительство не подотчетно парламенту, основные решения принимаются не выбранными представителями граждан, а в узком кругу “семьи”; там, где политические партии неспособны осуществлять политическую взаимосвязь элит и масс, их функции выполняют основанные на массовом клиентелизме “политические машины”, и т.д. Современная постсоветская политика дает немало примеров такого рода замещения формальных институтов неформальными (достаточно вспомнить принятие решения о начале войны в Чечне в 1994 году или кампанию по переизбранию Ельцина Президентом России в 1996 году).

Таблица 2. Политические режимы: акторы и институты

Соревновательность акторов / Преобладающий тип институтов	Неформальные (“arbitrary rule”)	Формальные (“rule of law”)
Соревновательность	Гибридный режим	Демократия
Отсутствие соревновательности	Авторитарный режим	

Применение этой типологии политических режимов к анализу регионального политического развития России дает основания для новых вызовов. Прежде всего, можно утверждать, что любые рассуждения о региональных политических режимах будут некорректны без учета зависимости политических процессов в регионах от политической динамики на национальном уровне. Однако трудно найти эмпирическое подтверждение того, что федеральная политика по отношению к регионам в период после распада СССР носила сколь-нибудь последовательный характер (речь идет как о политике Центра в целом, так и действиях по отношению к конкретным регионам). С конца 1980-х годов степень политической автономии российских регионов росла в различной мере (сравнительный анализ см. Treisman, 1997). После волны выборов губернаторов в 1995-1997 гг. влияние федеральных властей на региональные политические режимы стало еще менее значительным, особенно уменьшившись после политических и экономических кризисов 1998-1999 годов на национальном уровне (см. Stoner-Weiss, 1999, Solnick, 1999). Следовательно, в целях анализа региональных политических режимов в России их можно идентифицировать как автономные политические единицы, как если бы российские регионы были бы независимыми государствами (подчеркну, что речь идет лишь о целях анализа – хотя кто знает, что может случиться на самом деле!). В рамках данного подхода в настоящей работе федеральные власти (также, как и остальные акторы за пределами того или иного региона) будут рассматриваться как “внешние” акторы – наподобие того, как можно было бы анализировать международное влияние на национальное политическое развитие.

Переосмысливая переходы: попытка комплексной модели

В поисках решения нашей “загадки” обратимся далее к двум общепризнанным рамочным подходам, используемым при изучении политических трансформаций в сравнительной перспективе. Первый подход, обозначаемый как “структурный” (Мельвиль, 1998) или “функциональный” (Hughes, 2000), связывает причины и следствия смены политического режима с “объективными” предпосылками политических изменений. Исследователи анализируют эффекты воздействия таких

макропеременных, как уровень социально-экономического развития (Lipset, 1959, 1994), массовые ценности и установки (Almond and Verba, 1963), социальный капитал (Putnam, 1993), и т.д. Однако, оценки воздействия этих "объективных" причин могут быть надежны лишь при анализе относительно долгосрочных процессов, в то время как в краткосрочной перспективе они наталкиваются на вызовы со стороны реальной практики регионального политического развития России. Мы не можем объяснить сквозь призму социально-экономического детерминизма, почему политические режимы в доиндустриальной Калмыкии и в развитом индустриальном Татарстане сходны между собой, в равной мере характеризуются отсутствием политической конкуренции и преобладанием неформальных институтов. Столь же трудно объяснить возникновение различных политических режимов – почему, скажем, в Москве было установлено монопольное господство "политической машины" Лужкова (Brie, 1997), в то время как в Свердловской области возникла относительно развитая конкурентная партийная система, при том, что массовое поведение населения обеих регионов на федеральных выборах демонстрирует прорыночные и антикоммунистические ориентации (Макфол и Петров, 1998). В результате, проблема релевантности этих подходов для изучения политики в регионах России (и в пост-СССР в целом), как минимум, остается на повестке дня дальнейших исследований.

Напротив, второй подход – "процедурный" (Мельвиль, 1998) или "генетический" ("транзитологический") (Hughes, 2000) – явно отрицает "объективные" предпосылки демократизации (см. Rustow, 1970; O'Donnell and Schmitter, 1986; Huntington, 1991; Karl and Schmitter, 1991). Его основой служит объяснение причин и следствий смены политического режима путем анализа процесса перехода как такового. В качестве основного набора переменных здесь используются композиции акторов, их стратегий и характер взаимодействий в рамках элит (вариант: элит и контрэлит). Подобный взгляд, однако, не дает достаточных оснований для решения нашей "загадки". Он полезен для понимания того, КАК протекает процесс перехода, но не позволяет ответить на вопрос, ПОЧЕМУ происходят (или не происходят) те или иные политические события. Помимо этого, познавательная ценность транзитологии подрывается заложенной в ее основу телеологической схемой политического развития, своего рода "железным законом демократизации". Согласно этой схеме, все переходы раньше или позже должны достичь демократии как финальной цели политического развития, хотя во влиятельной монографии по проблемам перехода Гильермо О'Доннелл и Филипп Шмиттер определили переход как смену "определенного авторитарного правления на неопределенное "что-то иное", что может быть как демократией, так и новой формой авторитарного режима (O'Donnell and Schmitter, 1986: 3). Однако нет никаких оснований полагать переход к демократии всеобщим и неизбежным, если не брать в расчет макроисторические спекуляции. Подобный стиль мышления напоминает своего рода сценарий голливудского фильма: "хорошие парни" (сторонники демократии) борются с "плохими парнями" (противниками демократии), и, в конце концов, наступает "happy end" (победа демократии). Фактически, жизнь далека от сюжетов голливудских фильмов. Представление о том, что политические акторы не являются "хорошими" или "плохими" парнями по определению, и их действия в процессе перехода продиктованы, прежде всего, собственными интересами, а не абстрактными идеологическими предпочтениями, выглядит более реалистичным.

Следует заметить, что практически той же телеологической логике (по принципу "обратной стороны медали") подвержено и бытующее в рамках "структурного" подхода представление о том, что некоторые общества (включая регионы России и страны пост-СССР) обречены быть недемократическими в связи с "неправильными"

социально-экономическими и/или культурными предпосылками (см., например, Huntington, 1996b). Следует полагать, что эти суждения носят спекулятивный характер, а предлагаемое ими объяснение строится по принципу "остаточной категории" – то есть, согласно им, Россия не имеет шансов на успешную демократизацию из-за особенностей ее политической культуры, а политическая культура России остается таковой из-за слабости демократии (сходную критику см. Голосов, 1999). Иначе говоря, как "позитивная", так и "негативная" телеология оказывается бесполезной для решения нашей "загадки". Поэтому далее в докладе представлен альтернативный взгляд на трансформацию политического режима как на процесс с открытым финалом. По крайней мере, если мы знаем "точку отсчета" (позднесоветский политический режим), то не имеем априорных знаний о "точке прибытия".

Потенциальные выгоды "структурного" и "процедурного" подходов могут быть объединены (а их слабости элиминированы) использованием конфигуративной схемы анализа. Ее ключевая идея включает анализ различных факторов возникновения новых режимов – от начала и до завершения процесса перехода – и тестирование их на основе сравнения отдельных случаев. Такого рода эмпирически-ориентированная теоретическая модель подлежит обобщению и дополнению. Следуя этой схеме, историческая обусловленность (path-dependency) структурного подхода замещается моделью "обусловленного пути" (path-contingency), основанной на анализе как предпосылок, так и процесса перехода. Предпосылки перехода налагают ограничения вариаций процесса перехода как такового, но последствия перехода обусловлены констелляцией этих факторов.

В настоящем докладе эта методология применяется для анализа эффекта воздействия развития регионов в позднесоветский период (т.н. "тип предшествующего режима" (Linz and Stepan, 1996)) на постсоветские переходы. Что мы можем узнать полезного из опыта недавнего прошлого с точки зрения анализа основных измерений политических режимов – политической соревновательности и преобладающих политических институтов? Или, более конкретно, какие региональные особенности (если таковые имелись) более способствовали возникновению в постсоветский период политической конкуренции в рамках формальных институтов (т.е. переходу к демократии)? С этой целью обратимся к анализу генезиса политической конкуренции в развитых демократиях и применим некоторые выводы к изучению регионального политического развития России.

Структура расколов и институциональные изменения

Исследователи, изучавшие исторические корни возникновения соревновательных политических систем в развитых демократиях, признают ключевую роль конфликтов в процессе модернизации в возникновении демократии (Lipset and Rokkan, 1967, Rokkan, 1970: 72-144). Структура расколов репродуцирует конфликты между социальными группами в процессе индустриальных революций и создания национальных государств, и затем "замораживается" в контурах партийных систем демократических обществ. Однако эти социетальные расколы переносятся на поле политической конкуренции не сами по себе, а благодаря усилиям посредников – политических предпринимателей и избранных ими стратегий мобилизации ресурсов (Rokkan, 1977). Таким образом, как минимум, на ранних этапах становления политической соревновательности внутриэлитные конфликты имеют большее значение, нежели социетальные расколы. В более широком плане, основные измерения новых режимов (соревновательность и преобладающий тип институтов) в значительной мере

определяются структурой раскола элит. Расколы элит, возникающие в недрах прежнего режима, могут создать условия для его ослабления и последующего крушения, что особенно важно на начальных этапах перехода (см. ниже). Напротив, "замораживание" расколов элит (если они существуют) на заключительных стадиях перехода создают условия для консолидации новых режимов. Но каким образом возникновение и мобилизация этих расколов оказывала влияние на процесс перехода в регионах России?

Расколы – как на социетальном уровне, так и на уровне элит – лишь проявились в ходе трансформации политических режимов в России (особенно, в связи с конкурентными выборами). Но они возникли не в процессе перехода, а, скорее, явились побочным продуктом советской модернизации. Индустриализация, урбанизация и массовая миграция в советском обществе сформировали структурные основания как для социетальных, так и для внутриэлитных расколов, которые могут быть рассмотрены как типичный модернизационный конфликт между более развитым "центром" и менее развитой "периферией" (см. Eisenstadt, 1978, 1992). Однако, на уровне регионов России – как минимум, в тех регионах, где региональные столицы являлись одновременно единственными "центрами" регионов, этот конфликт одновременно "накладывался" на другой модернизационный конфликт – между городом и селом. Крупные города – региональные столицы и их агломерации – одновременно являлись центрами социальной, экономической и культурной модернизации, в то время как остальная территория региона, за редкими исключениями (типа "закрытых" городов и т.д.) "проваливалась" в зоны полупериферии или даже периферии (сходные оценки политического развития республик бывшего СССР см. Furman, 1999). В отдельных регионах (прежде всего, российских республиках) этот раскол пересекался с другими специфическими этническими, языковыми и конфессиональными конфликтами.

Эти латентные расколы в позднесоветский период оказывались незамеченными. Действительно, политический режим, существовавший в СССР до конца 1980-х годов – как на национальном, так и на региональном уровне – являлся неконкурентным. Даже сторонники ревизионистской школы в западной советологии, анализирувавшие политическое развитие в СССР в этот период, подчеркивали серьезные ограничения соревновательности акторов и развития заинтересованных групп вообще и в регионах в частности при отсутствии публичной конкуренции при принятии решений (Skilling and Griffith, 1971). Однако, раскол между "центром" и "периферией" в позднесоветский период существовал в скрытом виде и проявлялся в связи с наличием двух параллельных систем экономического управления на региональном уровне – в промышленности и в сельском хозяйстве. Система управления в промышленности (прежде всего, крупными предприятиями ВПК и ТЭК) была децентрализована на уровне регионов и зависела, прежде всего, от политики центральных министерств. Напротив, система управления в сельском хозяйстве в масштабах страны была относительно децентрализована, но в регионах – особенно связанных с товарным производством зерна – носила весьма централизованный характер. Конфликт этих систем управления порождал феномены ведомственности и местничества, то есть противостояние секторальных (интегрированных вовне региона) и местных (интегрированных внутри региона) клиентелистских сетей. Региональные комитеты КПСС в рамках этой системы играли роль своего рода посредников, интегрируя региональное управление в целом, хотя и преследуя при этом собственные интересы (см. Hough, 1969, Rutland, 1993).

Процессы модернизации влекли за собой дифференциацию и сложность управления в больших городах, где концентрировалась все большая доля ресурсов региона. Таким

образом, городские управленцы выступали сторонниками большей автономии городов от региональных органов власти (в значительной степени рурализированных). Эта автономия создавала структурные основания для конфликта столицы и остальной части региона, частично накладывавшейся на дихотомию индустриальной и аграрной систем управления. Таким образом, в позднесоветский период в регионах России возникали предпосылки для дифференциации акторов и конфликта интересов, хотя в условиях неконкурентного режима это не имело существенного значения. Баланс ресурсов различных акторов (аграриев, промышленного директората, городских управленцев) различался от региона к региону. Таким образом, характеристики распределения ресурсов создавали (или не создавали) основания для будущих расколов и, таким образом, возникновения конкуренции акторов в процессе перехода. Так, расколы не возникали в регионах со слабым развитием акторов либо же имели незначительное воздействие на региональное политическое развитие в случае доминирования в регионе одного из акторов – но в других случаях они могли иметь решающее значение для возникновения соревновательности.

Открытие политической системы СССР и возникновение открытых внутриэлитных конфликтов на ранних этапах перехода в регионах имело мало общего с классической моделью раскола элит на сторонников "жесткой" и "мягкой" линии (O'Donnell and Schmitter, 1986; Huntington, 1991). Хотя конфликты такого рода имели место в ряде регионов (см. Ortung, 1995, Fish, 1995), они в большей мере были связаны с борьбой интересов, а не идеологий – то есть они отражали изменение баланса региональных ресурсов между конкурирующими акторами, что, в свою очередь, отражало изменение политики Центра как внешнего актора. Хотя роль Центра как внешнего источника ресурсов для регионов значительно ослабла, в 1990-е годы федеральные органы власти выступали важнейшим источником институциональных инноваций, которые во многом определили роль формальных институтов в регионах. Наибольшее значение имели следующие институциональные изменения: 1) разделение полномочий между исполнительной и законодательной властью (Gel'man, 1999); 2) автономия системы органов местного самоуправления (о деталях, см. Матцузато, 1998); и 3) инсталляция электоральных практик (о роли выборов в процессе перехода в России см. Gel'man and Elizarov, 1999). Эти институциональные изменения осуществлялись Центром весьма непоследовательно, и их воздействие в различных регионах было противоречивым, что обуславливалось, прежде всего, описанными выше структурными характеристиками регионального политического развития. Центр "запускал" политические инновации как дискретные институциональные изменения (North, 1990: 89). Но на региональном уровне эти инновации сопровождалась (либо не сопровождалась) инкрементными изменениями, которые способствовали или же препятствовали их внедрению. Иначе говоря, зерна реформ могли попадать (либо не попадать) на подготовленную почву. Очевидно, политические последствия инициированных извне институциональных изменений зависели от наличия внутренних акторов, заинтересованных в использовании инноваций в собственных целях. Такие акторы "транслировали" инновации в конкретную конфигурацию институтов. Таким образом, региональная структура расколов определяла пределы политических возможностей акторов и, соответственно, пределы институциональных изменений.

Следовательно, структурные расколы и возможности их преодоления (хотя бы и временного) в процессе перехода являлись наиболее значимыми факторами, которые определяли воздействие институциональных изменений. В тех регионах, где расколы изначально играли незначительную роль или там, где их воздействие могло быть элиминировано благодаря эффективной политике патронажа, институциональные

изменения были успешно адаптированы доминирующими акторами к своим нуждам. Но там, где структурные расколы провоцировали возникновение нескольких (хотя бы двух) конкурирующих акторов, а патронажная политика оказывалась недостаточной для создания неконкурентных "картельных соглашений" (см. ниже), возникали рамки для успешной инсталляции формальных институтов.

В ходе конфликта за контроль над ресурсами в регионах, важнейшими агентами институциональных изменений и проводниками инсталляции формальных институтов были акторы, не обладавшие достаточными ресурсами для того, чтобы претендовать на захват доминирующей позиции. Напротив, доминирующие акторы (или акторы, претендовавшие на доминирующий статус), были мало заинтересованы в наличии формальных ограничений своих действий. Таким образом, для "слабых" участников конфликта, установление формальных институтов служило своего рода "орудием" в их борьбе за политическое выживание (Geddes, 1996), создавая защиту против поражения в "игре с нулевой суммой". "Слабые" акторы (кто бы ими ни был в конкретном контексте региона: городские управленцы по отношению к региональным, или же "демократы" против бывших коммунистических лидеров, или, в отдельных случаях, представители правящих групп прежнего режима, утратившие власть после его крушения и захвата власти "демократами") в случаях неустраимых расколов пытались усилить свои позиции. Соответственно, их более "сильные" конкуренты вынуждены были следовать новым формальным правилам и нормам. Так, автономия местного самоуправления страховала городских управленцев от утраты ресурсов, а выборы создавали возможности увеличения ресурсов для всех конкурирующих акторов, даже если их ресурсов было недостаточно для нанесения решающего поражения конкурентам.

Запуск формальных институтов в регионах, где структурные расколы носили неустраимый характер, сужал сферу воздействия неформальных институтов и подрывал базу патронажной политики. Дальнейшее политическое развитие региона, связанное с переносом внутриэлитных и социетальных расколов на уровень электоральной конкуренции, включал процессы массовой мобилизации. Таким образом, акторы оказывались перед необходимостью создания собственных политических машин в форме конкурирующих "партий власти". При условии сохранения автономии акторов, поддержание электоральной конкуренции означало как выживание состоятельности акторов (через механизмы массовой политики), так и неустраимость формальных институтов, создававших рамки функционирования региональных политических режимов. Эти обстоятельства имели определяющее значение для последствий процесса перехода.

Переходы, неопределенность и их последствия

Отказавшись от телеологии "переходов к демократии" (также, как и от логики "невозможности демократии"), мы будем рассматривать процесс перехода как всего лишь смену одного политического режима другим. Фактически, это означает значительные изменения обеих составляющих прежнего политического режима, его акторов и институтов. Смена институтов предполагает, в частности, прекращение функционирования формальных институтов (и, иногда, смену акторов) прежнего режима, затем некоторый период неопределенности композиции акторов и институтов, и, наконец, инсталляцию формальных институтов нового режима (и, иногда, возникновение новых акторов). Таким образом, чисто функционально процесс трансформации политического режима (независимо, идет ли речь о "переходе к

демократии" или к "чему-то иному"), включает в себя следующие стадии: 1) ослабление и, затем, 2) крушение прежнего режима; 3) неопределенность всех элементов политического режима; 4) выход из неопределенности, означающий установление нового режима; 5) консолидацию нового режима ("демократии" либо "чего-то иного"). Парадигмальные различия между логикой "перехода к демократии" (Rustow, 1970; O'Donnell and Schmitter, 1986) и перехода как процесса с открытым финалом представлены в Таблице 3.

Таблица 3. Стадии переходов: модели "перехода к демократии" и "перехода с открытым финалом"

"Переход к демократии"	"Переход с открытым финалом"
1. Либерализация 2. Установление демократии 3. Консолидация демократии	1. Ослабление прежнего режима 2. Крушение прежнего режима 3. Неопределенность 4. Выход из неопределенности = Установление нового режима 5. Консолидация нового режима

"Критическими точками" в процессе перехода, очевидно, являются стадии 2) и 4) – крушение прежнего режима (обозначающее "вход" в состояние неопределенности) и установление нового режима ("выход" из неопределенности). "Разрыв", вызванный неопределенностью, полностью отличается от схемы "переходов к демократии", в рамках которой возникновение демократии после крушения авторитарного режима предполагается как бы "по умолчанию". Неопределенность является исключительно значимой для последствий перехода, отличаясь от неопределенности в стабильных режимах. По замечанию Валери Банс, в условиях авторитарных режимов положение акторов и исход политического процесса заранее известны, в то время как формальные институты слабо определены. Однако в рамках демократических режимов, формальные институты определены и признаны всеми акторами, в то время как позиции акторов и исход политического процесса неопределенны или, по крайней мере, неизвестны априори (невозможно, например, заведомо знать исход будущих парламентских выборов и определяемый ими правительственный курс). Но в процессе перехода оба основных элемента политического режима – акторы и институты – неопределенны до известных пределов (Банс, 1993).

Различия характеристик неопределенности становятся более очевидны в связи с рассмотрением различных моделей перехода (в рамках нашего подхода, скорее, речь идет о моделях крушения прежних режимов), предложенных Терри Линн Карл и Филиппом Шмиттером (Karl and Schmitter, 1991; 275). Они предложили матрицу идеальных типов переходов, используя как переменные тип акторов, играющих ключевую роль в процессе перехода (элиты или массы) и стратегии, используемые ими в процессе перехода (компромиссные или силовые). Как видно из Таблицы 4, эти модели различаются в отношении возникающей неопределенности. Пакты влекут за собой наименьшую неопределенность, в то время как революции провоцируют крупномасштабную и обычно длительную неопределенность, связанную с массовыми восстаниями и политическим насилием. Хотя трудно уверенно говорить о том, в какой мере существование и характеристики внутриэлитных и социетальных расколов в рамках прежнего режима определяет механизм их крушения, очевидно, что эти явления взаимосвязаны между собой.

Таблица 4. Модели переходов по Т.Л.Карл – Ф.Шмиттеру и уровень неопределенности

Актеры/Стратегии	Компромиссные	Силовые
Элиты	"пакт" (низкий)	навязанный переход (средний)
Массы	реформа (средний)	революция (высокий)

Поскольку ключевыми характеристиками неопределенности являются неопределенные позиции акторов и неопределенный набор формальных институтов, акторы свободны в выборе средств борьбы за максимизацию власти (т.е. контроля над ресурсами) без каких-либо ограничений. Но при этом трудно полагать, что их рациональной целью может быть установление демократии. Период неопределенности в политическом развитии России на национальном уровне дает явные подтверждения этого тезиса. После крушения прежнего режима – "навязанного перехода" в августе 1991 года и вплоть до кровавых событий октября 1993 года, борьба за позицию доминирующего актора – сперва между Горбачевым и Ельциным, а затем между Ельциным и Верховным Советом – едва ли может быть расценена как "переход к демократии" в смысле нормативных теорий. Даже те политики, которых называли (и которые считали себя) "демократами", не имели намерений терять властные позиции и уступать их иным акторам.

Итак, рациональные акторы, претендующие на доминирующие позиции после крушения недемократического режима, должны отвергнуть идею соревновательной демократии, которая предполагает установление формальных институтов как рамок свободной и справедливой (free and fair) политической конкуренции, и создает риск утраты власти. Напротив, максимизация собственной власти и ограничение власти потенциальных противников является наиболее привлекательной целью, особенно в условиях неопределенности. В рамках стабильных режимов стратегии по достижению этой цели ограничены либо формальными институтами (в демократических режимах) либо ресурсами других акторов (в авторитарных и гибридных режимах). Но в период неопределенности акторы не ограничены формальными институтами и/или не имеют достаточной информации о ресурсах иных акторов. Таким образом, если один из акторов сможет добиться преобладания ресурсов над всеми иными акторами, он просто захватывает доминирующую позицию, не встречая ограничений в своих действиях из-за слабости конкурентов. Если же ресурсы двух (или нескольких) самых сильных акторов оказываются более или менее равными, их борьба за выживание может развиваться либо в форме "торга" (при использовании компромиссных стратегий), либо в форме открытого конфликта в духе гоббсовской "войны всех против всех" (при использовании силовых стратегий). Вероятно, этот выбор стратегий в значительной мере обусловлен как механизмом крушения прежнего режима, так и ресурсной базой акторов, унаследованной от прежнего режима, а также структурой расколов. Если эти расколы неустранимы, то трудно ожидать, что доминирующий актор сможет одержать полную победу над своими конкурентами по принципу "игры с нулевой суммой". В этом случае, более логично ожидать выбор акторов в пользу компромиссных, а не силовых стратегий. И напротив, если расколы укоренены неглубоко, или если один из акторов оказывается способен сконцентрировать в своих руках преобладающий объем ресурсов, выбор в пользу силовых стратегий может оказаться наиболее рациональным.

Но период неопределенности – путь даже крупномасштабной и долгосрочной – не

может длиться вечно. Выход из неопределенности может быть проанализирован как своего рода противоположность "вхождению" в неопределенность. Следовательно, частично используя описанную выше схему Карл – Шмиттера, можно аналитически выделить различные сценарии выхода из неопределенности, задающие спектр возможных последствий перехода. В матрице, аналогичной приведенной в Таблице 4, переменные включают в себя позиции акторов (в самом грубом виде – наличие или отсутствие доминирующего актора) и стратегии, используемые ими на этапе выхода из неопределенности (см. Таблицу 5).

Таблица 5. Последствия переходов: сценарии выхода из неопределенности

Позиции акторов/ Стратегии акторов	Компромиссные	Силовые
Доминирующий актор	“картельное соглашение”	“победитель получает все”
Неопределенность или баланс сил	“борьба по правилам”	“война всех против всех”

Первый из четырех возможных вариантов последствий перехода, "война всех против всех", связан с перманентным использованием акторами силовых стратегий при отсутствии преобладания ресурсов у кого-либо из них. Очевидно, что "войну всех против всех" невозможно рассматривать как собственно выход из неопределенности – речь идет, скорее, о продолжении конфликта в новой форме. Феодалная усабица ("warlordism"), описанная Питером Кирковым на материале Приморского края (Kirchow, 1995, 1998), является показательной в этом отношении. Если же акторы в ходе этой борьбы используют в качестве орудий массовую мобилизацию или вмешательство со стороны внешних акторов, данный сценарий может реализоваться в форме гражданской войны: примером тому может служить случай первой (1994-1996) чеченской войны. Однако с точки зрения перспектив установления нового режима этот сценарий не имеет самостоятельного значения, и в дальнейшем рассмотрению не подлежит.

Второй вариант последствий перехода связан с успешной реализацией силовых стратегий одним из акторов, которому удастся захват доминирующей позиции. Это может произойти, если конкуренты доминирующего актора недостаточно укоренены – их ресурсные базы слабы, а ранее существовавшие расколы могут быть преодолены доминирующим актором. Результатом перехода, таким образом, становится победа доминирующего актора в "игре с нулевой суммой" по принципу "победитель получает все".

Третий возможный вариант последствий перехода связан с достижением явных или неявных соглашений между доминирующим актором и иными (подчиненными) акторами о взаимном принятии институтов (как формальных, так и – прежде всего – неформальных), которые направлены на сохранение их властных позиций. В этом случае, применение силовых стратегий может быть рискованным для акторов либо из-за нехватки ресурсов, либо из-за угрозы поражения в "игре с нулевой суммой". В то же время, в условиях этих соглашений внутриэлитные расколы могут быть – по крайней мере, в краткосрочной перспективе – элиминированы благодаря успешной политике патронажа и обмена ресурсами между доминирующим актором и подчиненными акторами. Этот сценарий выхода из неопределенности можно обозначить как "картельное соглашение" ("cartel settlement").

Наконец, неопределенность соотношения сил или баланс ресурсов между акторами могут оказаться таковы, что они делают невозможными ни победу одной из сторон в "игре с нулевой суммой", ни достижение "картельных соглашений". В ситуации, когда, с одной стороны, расколы элит глубоко укоренены и не могут быть легко преодолены, а, с другой стороны, использование силовых стратегий исчерпано, акторы могут сделать упомянутый выше стратегический выбор в пользу применения формальных институтов как орудия в борьбе за свое выживание может повлечь за собой регулярное использование формальных институтов большинством акторов. Таким образом, эти правила и нормы становятся рамками политической борьбы конкурирующих акторов. Этот вариант последствий перехода может быть обозначен как "борьба по правилам", как своего рода оппозиция "войне всех против всех" (т.е. борьбе без правил).

Разумеется, матрица выходов из неопределенности представляет собой чисто аналитический инструмент, в то время как практика переходов и их последствий может быть связана с комбинацией различных сценариев. Например, применительно к политическому развитию России на национальном уровне после октября 1993 года имеет смысл говорить об установлении нового режима как о сочетании сценариев "победитель получает все" и "картельного соглашения" (см., например, Shevtsova, 1999). Однако, подробно рассматривая политическое развитие российских регионов сквозь призму выделенных нами идеальных типов, можно обнаружить логику различных сценариев выхода из неопределенности и их воздействия на основные характеристики новых политических режимов. Это позволит нам перейти от сугубо теоретических рассуждений к сравнительному анализу политической динамики российских регионов.

Переходы и их последствия: сравнительная региональная динамика

"Победитель получает все": Саратовская область и другие

Случай Саратовской области демонстрирует причины и следствия выхода из неопределенности по сценарию "победитель получает все". Исторически этот регион, один из крупнейших производителей зерна в России, характеризовался явным доминированием аграрной "периферии" над региональным "центром". Хотя эффекты урбанизации и индустриализации советского периода оказали воздействие на социально-экономическое развитие региона, политический режим носил неопатримониальный характер, особенно в период руководства первого секретаря обкома Алексея Шibaева (1959-1976). Централизованный приток ресурсов в регион из Центра в этот период был связан с крупномасштабными проектами мелиорации. Это позволило региональным лидерам благодаря перераспределению ресурсов значительно укрепить локальные клиентелистские связи аграриев, в то время как промышленный директорат и городские управленцы являлись подчиненными акторами; иначе говоря, регион представлял собой случай преобладания местничества. В период перестройки городские акторы начали добиваться большей автономии, и раскол элит стал очевидным в 1989-1990 годах на фоне выборов и конфликта между городскими и областными лидерами КПСС (о деталях конфликта элит, см. Moses, 1994, Рыженков, 1997, Stykow, 1999). Крушение господства КПСС после августа 1991 года не принесло разрешения конфликта: городские управленцы и аграрии в регионе выступали как своего рода "группы вето", блокируя действия конкурентов. Таким образом, началась "война всех против всех". Сергей Рыженков определил характер политической борьбы в регионе в 1991-1996 годах как стремление к (вос)становлению и захвату позиции

"обкома". Эта позиция характеризуется тотальным политическим, экономическим и идеологическим контролем над государственными органами и общественной жизнью путем создания иерархической системы управления и неподконтрольности правящей группировки (Рыженков, 1997: 89). Однако ни одному из участников конфликта не удалось достичь этой цели: их ресурсов было недостаточно для победы в "игре с нулевой суммой", в то время как стимулы к переходу к компромиссным стратегиям были слабыми. "Война всех против всех" продолжалась свыше пяти лет, и позиции всех акторов оказались подорваны (Styckow, 1999).

Тем временем, ресурсы "бунтующих" городских акторов в борьбе за свою автономию оказались исчерпаны, а экономическая база директората сузилась в связи с кризисом крупной индустрии. Аграрии же, несмотря на частичный упадок влияния, сохранили возможности использования локальных связей как ресурса массовой мобилизации в ходе выборов. В этих условиях ослабленные городские и областные акторы вынуждены были подчиниться решению, навязанному извне (федеральным Центром) в качестве "наименьшего зла". Вице-мэр Саратова Дмитрий Аяцков (изначально связанный с аграриями) был назначен на пост главы администрации области в апреле 1996 года, после чего политическая соревновательность в Саратовской области полностью исчезла.

Аяцков жестко подавил любые проявления политической автономии городских акторов, навязав не прямые выборы мэра города (городской Думой по представлению губернатора). Он сместил со своих постов большинство директоров и ряд глав районных администраций, установил контроль ад региональной легислатурой, политическими партиями, СМИ, и без труда набрал свыше 80% голосов на выборах губернатора. Все депутаты, партии (за исключением КПРФ), общественные и религиозные организации, профсоюзы, представители бизнеса вынуждены были подписать "Договор об общественном согласии" в области, символизировавший их лояльность доминирующему актору; те же, кто пытался отказаться от участия в договоре, сталкивались с проблемами в отношениях с налоговой полицией и другими контролирующими органами. Подчиненные акторы, таким образом, были либо полностью интегрированы в новую "политическую машину" или теряли всякое влияние. Даже после победы на выборах Аяцков регулярно практиковал "чистки", постоянно меняя состав директората (промышленного и аграрного) и администрации. Его режим характеризуется *arbitrary rule*, основанный на неопатримониализме и регулярном применении неформальных институтов, не встречал существенного сопротивления: даже потенциальная оппозиция практически не имела ресурсной базы в смысле необходимой автономии (детали см. Гельман, Рыженков и Бри, 2000, гл. 3). Следовательно, доминирование "периферии" над "центром" в этом регионе, по сути, препятствовало альтернативным вариантам модернизации (Eisenstadt, 1978; сходные аргументы в отношении Беларуси см. Furman, 1999).

Случай Саратовской области отнюдь не уникален среди регионов России и стран пост-СССР, хотя пути, ведущие к возникновению доминирующего актора и максимизации его власти с помощью силовых стратегий, могут различаться весьма существенно. Как минимум, три различные возможности заслуживают внимания: 1) прорыв к властным позициям аутсайдеров – популистов; 2) "захват полномочий" исполнительной властью (Huntington, 1996a: 9-10); 3) "прямая трансформация" (Burton, Higley and Gunther, 1992b: 345) правящей группы прежнего политического режима в доминирующего актора нового политического режима. Первая возможность возникает в результате разложения прежнего политического режима в результате долговременной и крупномасштабной неопределенности и/или "войны всех против всех" (как в случае

Саратовской области). Таким образом, инсталляция электоральных практик в этом случае не является механизмом внедрения преобладания формальных институтов, поскольку никто из акторов не способен использовать их как "орудие" в борьбе за политическую соревновательность. В то же время, предвыборная борьба открывает возможности для захвата всей власти аутсайдерами. Возникновение политического режима Александра Лукашенко в 1994 году в Беларуси, равно как и режима Кирсана Илюмжинова в 1993 году в Калмыкии, представляют собой явные примеры такого рода. Опираясь на массовую поддержку, популистские лидеры избавляются от угроз политической соревновательности, добиваясь ликвидации институциональных ограничений их arbitrary rule. Роспуск парламентов, электоральные манипуляции, ограничения свободы СМИ встречают протест лишь узкого слоя активистов, которые не обладают достаточными ресурсами для противодействия доминирующему актору. В обществах с доминированием "периферии" малая автономия акторов прежнего режима препятствует формированию устойчивых расколов элит и социетальных расколов, и влечет за собой слабость альтернативных акторов. Неудивительно, что в случаях Калмыкии и Беларуси различные сегменты политической оппозиции – либералы, коммунисты, националисты (то есть, политическое общество в целом) создали антирежимную коалицию негативного консенсуса. В свою очередь, популистские лидеры могут оказаться способны не только избежать политической соревновательности, но и усилить свои позиции с помощью "правильного" набора формальных институтов, который фактически укрепляет господство неформальных институтов и служит лишь фасадом arbitrary rule. Так, согласно закону о выборах, который был принят в Калмыкии, одна треть депутатов региональной легислатуры избиралась на неконкурентной основе по списку, выдвинутому президентом Калмыкии; в то же время для признания списка избранным было достаточно получить 15% голосов "за" (Сенатова, 1996). В более широком плане, популистские лидеры в обществах с доминированием "периферии" оказываются способными установить контроль над всей публичной сферой.

Другую возможность последствий перехода по принципу "победитель получает все" открывает захват полномочий демократически избранной исполнительной властью. Политические акторы, достигающие позиций на вершине исполнительной власти, даже и при поддержке демократических партий и движений, обычно стремятся избежать горизонтальной подотчетности – в том числе легислатурам и судам (O'Donnell, 1996) и избежать угрозы поражения на выборах. В условиях слабости и/или неопределенности формальных институтов им удается добивать максимизации власти благодаря комбинации институтов и стратегий. Политический режим в городе Москве – типичный пример подобного захвата полномочий (Brie, 1997). Несмотря на тот факт, что Москва может рассматриваться как пример региона с доминированием "центра" (а не "периферии"), здесь также не отмечалось существенных внутриэлитных конфликтов в советский период (о деталях, см. Colton, 1995), в то время как постсоветский период ознаменовался притоком ресурсов в регион. Возникновение нового политического режима было связано с массовой электоральной поддержкой мэра Москвы (Гавриила Попова и затем – Юрия Лужкова), и с успешной стратегией доминирующего актора по уменьшению влияния альтернативных акторов – путем публичной дискредитации, административного давления и/или инкорпорирования в рамки созданной мэрией системы "муниципального капитализма". Политическая стабильность режима усиливалась за счет создания "политической машины", пронизывавшей все уровни городского управления и обеспечивавшей электоральную легитимацию доминирующего актора и регионального политического режима в целом.

Наконец, "прямая трансформация" правящей группы прежнего режима (без крушения прежнего режима как такового) создает ту или иную форму неопатримониального господства и также может быть расценена как последствие перехода по принципу "победитель получает все", хотя и не сопровождающееся неопределенностью. Такого рода переходы характерны для ряда постсоветских республик, включая Казахстан, где правящая группировка, пришедшая к власти в последние годы существования СССР, конвертировала свое ресурсное преобладание в новую властную монополию правящей постсоветской элиты. Таким образом, ей удалось, с помощью этнических чисток и административного давления, преодолеть или, по крайней мере, уменьшить воздействие существовавших этнических, территориальных и иных расколов. Однако подобная стратегия может быть успешной лишь в случае, если доминирующий актер не встречает существенного сопротивления со стороны других акторов. В противном случае монополия доминирующего актора оказывается подорванной, и происходит крушение прежнего режима и вхождение в неопределенность.

Примером подобных непреднамеренных последствий перехода может служить случай Ульяновской области. В этом регионе поздние по времени процессы модернизации и урбанизации (развивавшиеся главным образом после 1970 года) не позволили сформировать устойчивый раскол элит в советский период. Продолжительное доминирование "периферии" помогло сохранить неопатримониальный режим с господством аграрного клана региональной элиты, лидером которой являлся губернатор Юрий Горячев. Однако, пойдя на выборы в поисках новой легитимности, Горячев столкнулся с сопротивлением оппозиции различной ориентации, которая объединилась вокруг городского "центра", эмансипировавшегося от контроля со стороны "периферии" в постсоветский период. В результате, хотя Горячев победил с незначительным перевесом на губернаторских выборах, поддержанный им инкубент потерпел поражение на выборах мэра Ульяновска. Правящая группировка утратила контроль над областным центром, и "опрокидывающие выборы" (Huntington, 1991: 174-180) ознаменовали начало неопределенности, подрывая основы "прямой трансформации" (см. Гельман, Рыженков и Бри, 2000, гл. 7).

Говоря о политическом развитии Бразилии после военного переворота 1964 года, Хуан Линц квалифицировал политические режимы, возникающие в результате перехода по принципу "победитель получает все", как "авторитарную ситуацию", нежели "авторитарный режим" (Linz, 1973). Принципиальное различие здесь связано с тем, что в условиях авторитарной ситуации формальные институты демократического режима могут полностью или частично выживать (например, легислатуры, выборы, политические партии, законодательство), но не иметь значения для процесса принятия решений. Доминирующий актер не встречает ограничений по исключению отдельных акторов из политического процесса, и сохраняет прямой или не прямой контроль над политическим обществом и СМИ. Ожидания того, что доминирующий актер может исчезнуть "по умолчанию", имеют мало оснований: отсутствие реальных альтернатив (в условиях малой значимости структурных расколов) успешные правящие группы могут выживать, обеспечивая массовую поддержку и предотвращая возникновение неподконтрольных им автономных акторов. Однако, в среднесрочной перспективе "авторитарные ситуации" могут столкнуться с угрозами нестабильности в случае, если им не удастся найти "формулу легитимности", обеспечивающую их устойчивое выживание (см. Linz, 1973: 254).

Возникновение политических альтернатив "авторитарным ситуациям" в регионах в силу воздействия внешних акторов представляется, как минимум, сомнительным – особенно в свете национальных выборов и политических кризисов в России. Так или

иначе, федеральные власти больше заинтересованы в стабильности, лояльности и предсказуемости региональных политических режимов, нежели в появлении открытой политической конкуренции с неясным исходом. Общность взаимных интересов внешних акторов и региональных доминирующих акторов может быть закреплена в форме неформальных контрактов региональных и национальных руководителей (зачастую подкрепленных формальными соглашениями). Схема обмена лояльности на невмешательство может служить основой такого рода контрактов (см. Петров, 1999, Solnick, 1999).

Итак, результатом перехода по принципу "победитель получает все" является усиление монополии доминирующего актора и слабость (т.е. фасадная роль) формальных институтов. Последствиями такого перехода становится возникновение политических режимов с различными аспектами авторитарного правления. Подобные режимы могут оказаться относительно стабильными, и перспективы их демократизации в этом случае минимальны.

“Картельное соглашение”: Нижегородская область и другие

Достижение "картельных соглашений" внешне напоминает заключение "пакта" (Karl and Schmitter, 1991) или "соглашения элит" (Higley and Burton, 1989), при котором происходит реорганизация интересов элит и достижение значимых компромиссов между акторами по основным политическим вопросам. Наиболее распространена среди исследователей точка зрения, согласно которой "пакты" являются наиболее эффективным (быстрым и безболезненным) механизмом демократизации (Rustow, 1970; O'Donnell and Schmitter, 1986; Higley and Burton, 1989; Burton, Higley and Gunther, 1992a, 1992b; Huntington, 1991). Однако, "пакты", которые заключаются в ходе крушения прежнего режима, существенно отличаются от соглашений акторов, которые достигаются во имя выхода из неопределенности. Первые (как, скажем, классический случай "пакта Монклоа" в Испании) связаны с принятием формальных институтов и определением рамок политической конкуренции. Последние, напротив, основаны на стремлении акторов сохранить свои позиции и, таким образом, достичь консолидации нового режима в условиях минимизации соревновательности. Такого рода договоренности во многом схожи с картельными соглашениями в условиях рынка, которые заключаются компаниями с целью исключить конкуренцию цен и разделить между собой рынок, не допуская на него другие фирмы. Таким образом, если в рамках "перехода к демократии" пакты служат механизмом демократизации, то выход из неопределенности посредством "картельных соглашений" блокируют процесс демократизации, или, по крайней мере, снижают опасность столь неприятных для акторов последствий демократии, как утрата власти в результате политической конкуренции.

"Картельные соглашения" основаны на явных или неявных соглашениях между доминирующим актором и его основными конкурентами о разделе ресурсов и сфер влияния, позволяющих участникам соглашения сконцентрировать в своих руках своего рода "контрольный пакет" акций на политическом рынке. Подобная стратегия заключения "минимально выигрышной коалиции" может быть наиболее рациональна (см. Marks, 1992), если доминирующий актор не обладает достаточными ресурсами или наталкивается на иные ограничения при использовании силовых стратегий, в то время как остальные акторы обладают достаточными ресурсами для выживания, но не имеют шансов достичь положения доминирующего актора в условиях политической конкуренции. Таким образом, обе стороны "картельного соглашения" получают

очевидные выгоды: доминирующий актер сохраняет свое положение, а подчиненные актеры получают доступ к ресурсам в рамках правящей группировки в обмен на отказ от претензий на доминирующий статус (Case, 1996). Формирование коалиции доминирующего и подчиненных акторов – главный, но не единственный результат "картельного соглашения". Другой целью этой сделки является препятствование доступу к ресурсам и прорыву на властные позиции политических аутсайдеров, не включенных в "картельное соглашение".*** Говоря о структурных предпосылках такого рода соглашений, следует полагать, что они возникают в условиях, когда расколы элит и социетальные расколы не могут полностью исчезнуть в результате тех или иных шагов акторов, но в то же время они не являются достаточным основанием для неизбежности политической конкуренции.

Применительно к российским регионам, в этом отношении показателен случай Нижегородской области (о деталях см. Гельман, 1999, Гельман, Рыженков и Бри, 2000, гл. 4). Композиция акторов в этом регионе в основном стала побочным продуктом досоветской и раннесоветской модернизации, сопровождавшейся доминированием "центра" – города Нижнего Новгорода. В этом высокоурбанизированном регионе (77% городского населения) роль раскола между "центром" и "периферией" была невелика, местничество имело незначительное воздействие; ведомственность же, напротив, процветала в позднесоветский период. Автономия городских управленцев и промышленного директората стала очевидной в период перестройки, но она не подрывала господства КПСС. Однако, крушение прежнего режима в результате "навязанного перехода" повлекло за собой вакуум акторов и институтов. Ни одной из групп – новоявленным "демократами", директорам предприятий, лишившимся постов коммунистам – не удалось сконцентрировать достаточно ресурсов для захвата позиции доминирующего актора. В этих обстоятельствах поддержанный "демократами" претендент на пост губернатора Борис Немцов достиг неформальной договоренности с поддержанным коммунистами кандидатом Иваном Скляровым о том, что последний снимет свою кандидатуру в пользу Немцова в обмен на свое назначение первым заместителем губернатора (Stoner-Weiss, 1997: 96). Эта сделка оказалась успешной, и Немцов в ноябре 1991 года был назначен губернатором области.

Изначально не обладая влиянием в региональной элите и не опираясь на значительные экономические ресурсы, Немцов был ограничен в применении силовых стратегий. Следовательно, он вынужден был продолжать начатую им практику неформальных договоренностей. Такого рода соглашения были достигнуты Немцовым с большинством в региональной легислатуре, частью директората, предпринимателей и административной элиты региона. Эти подчиненные акторы были лояльны по отношению к Немцову как доминирующему актору, сохраняя при этом контроль над своими прежними позициями. Это позволило Немцову поддерживать в регионе сравнительно эффективную систему управления (Stoner-Weiss, 1997) и разрешать в свою пользу конфликты в регионе и за его пределами. При этом, начиная с 1994 года, Немцов от случая к случаю прибегал к практике своего рода "чисток" в отношении тех участников "картельного соглашения", которые пытались добиться автономии от господства доминирующего актора. Так произошло с мэром Нижнего Новгорода Дмитрием Бедняковым, отправленным в отставку со своего поста. Однако попытки Немцова использовать силовые стратегии при попытке установить контроль над самым

*** Наиболее свежий пример – соглашение о распределении постов в Государственной Думе между проправительственными фракциями и коммунистами в январе 2000 года, ставившее целью, помимо прочего, ослабление оппозиционных фракций.

крупным предприятием региона – Горьковским автозаводом (ГАЗ) – были менее успешны. Директорат ГАЗа сохранил внутренний ("инсайдерский") контроль над контрольным пакетом акций, и в итоге между Немцовым и руководством завода был достигнут компромисс по вопросам менеджмента. Но в целом, конкуренция акторов в регионе была ограничена. В ходе губернаторских выборов 1995 года Немцов победил без особого труда, опередив ближайшего конкурента по числу голосов более чем в два раза. Ситуация изменилась в 1997 году, когда Немцов был назначен на пост первого вице-премьера правительства России и покинул регион, подрывая, таким образом, основания "картельного соглашения". Хотя Склярков сохранил за собой пост губернатора как своего рода "наследник" Немцова, победив на новых губернаторских выборах летом 1997 года, политическая соревновательность стала гораздо более открытой.

Нижегородский автор Сергей Борисов характеризовал основные черты регионального политического режима при Немцове следующим образом: 1) преобладание исполнительной власти над законодательной; 2) неформальный контракт о взаимной лояльности между региональными и федеральными властями; 3) не прямой контроль региональных органов власти над СМИ; 4) нейтрализация или подавление реальных и/или потенциальных центров оппозиции в регионе; 5) патронаж региональной исполнительной власти над общественностью (включая партии, профсоюзы, предпринимательские ассоциации, религиозные организации и "третий сектор") в обмен на лояльность со стороны последних (Борисов, 1996: 37). Хотя он выделял эти особенности в качестве элементов "регионального авторитаризма", но относительная автономия законодательной и политических партий (хотя и слабых по отношению к доминирующему актору), отсутствие явных нарушений гражданских и политических прав в регионе дает больше оснований для того, чтобы квалифицировать последствия "картельного соглашения" для регионального политического развития как гибридный режим, или "полудемократию" (Case, 1996).

Однако, достижение "картельного соглашения" не означает устойчивости нового политического режима как такового. Напротив, режим сталкивается с вызовами господства неформальных практик *arbitrary rule*, которые подрывают существование его формальных институтов. В случае Нижегородской области, например, основные решения о региональной программе экономических реформ в 1992 году были приняты не региональной законодательной властью (или каким-либо иным органом власти), а неформальным Координационным Советом, в который входили губернатор, мэр Нижнего Новгорода и председатели областного и городского Советов. Неудивительно, что продолжение господства неформальных практик принятия решений как при Немцове, так и при Скляркове – создавало предпосылки для угрозы захвата власти аутсайдером в условиях электоральной конкуренции. Популистский лидер Андрей Климентьев, имевший в прошлом судимость и находившийся под судом, одержал победу на выборах мэра Нижнего Новгорода в 1998 году. Не имея возможностей препятствовать его избранию, региональные власти добились признания выборов недействительными и назначения новых выборов. Таким образом, роль формальных институтов и политической соревновательности в регионе оказалась ограничена во имя сохранения статус-кво. Тем не менее, в новой раунде выборов мэра победил другой аутсайдер (бывший представитель президента России в регионе Юрий Лебедев, отправленный в отставку), и, таким образом, "картельное соглашение" оказалось полностью разрушенным.

Нижегородский случай "картельного соглашения" отнюдь не уникален среди регионов России. Сходные характеристики консолидации элит в процессе перехода, например,

были обнаружены в исследовании Мэри Маколи в Томской области (McAuley, 1997: 156-220). В своей работе, посвященной трансформации элит в Омской области, Нил Мелвин показал, что основой "картельного соглашения" между правящей группой и лево-патриотической оппозицией в регионе послужил неформальный раздел властных позиций: первые победили на выборах губернатора области и мэра Омска, а последние получили мандаты депутатов Государственной Думы от региона. В результате, выборы не создавали угроз позициям правящей группы (Melvin, 1998). В известной мере, "российская история успеха" в Новгородской области (Petro, 1999) также может быть квалифицирована как "картельное соглашение": губернатор Михаил Прусак достиг консолидации элит и исчезновения политической соревновательности в регионе примерно тем же путем, что и Немцов в Нижегородской области.

"Картельные соглашения" в целом неустойчивы, и изменение ресурсов акторов легко может подорвать стабильность режима. Распад "картельных соглашений" может либо привести к возникновению "авторитарной ситуации" (в случае, если доминирующий актер укрепляет свои позиции) или к вхождению в новую неопределенность (в случае, если доминирующий актер утрачивает свои позиции). Первый вариант наиболее вероятен в ситуации, когда доминирующий актер способен преодолеть эффекты расколов путем успешного применения силовых стратегий. Примером тому может служить случай Башкортостана. В этом регионе приход к власти нынешнего президента Муртазы Рахимова был связан с достижением компромисса в рамках региональной элиты в 1990 году и с поиском возможностей для успешного "торга" с федеральным Центром в целях извлечения ренты. Однако после успешного решения этой проблемы, Рахимову удалось укрепить свою ресурсную базу и захватить доминирующие позиции, в то время как остальные акторы утратили автономию. Неудивительно, что Рахимов смогу успешно использовать силовые стратегии для подавления политических конкурентов и достижения монополии на власть в регионе (Рабинович и Фуфаев, 1997) и даже проводить политику "этнократизации" (Галлямов, 1998) в пользу этнических башкир, игнорируя вызовы этнических расколов в регионе между башкирами, татарами и русскими.

Примером распада "картельного соглашения" из-за крушения доминирующего актора может служить Санкт-Петербург. В этом регионе попытка заключения "картельного соглашения" оказалась безуспешной по иным причинам, связанным с узостью круга участников сделки на фоне значительной автономии акторов. Мэр города Анатолий Собчак в начале 1996 года достиг неформального соглашения с большинством региональной легислатуры о наиболее комфортных для него условиях проведения выборов в обмен на продление полномочий законодателей. Однако такого рода "картельное соглашение" не устраивало те партии и заинтересованные группы, которые не были включены в его состав (Зудин, 1996). В результате вновь возникшая оппозиция сформировала коалицию негативного консенсуса, которая выдвинула своего кандидата на выборах губернатора города в 1996 году. После победы поддержанного этой коалицией кандидата, Владимира Яковлева, Собчак утратил свой пост, и в регионе начался период новой неопределенности (Гельман, 1998). Распад этой коалиции в 1998-1999 годах создал ситуацию взаимной блокады конкурентов, попытки Яковлева достичь позиции доминирующего актора оказались безуспешны, и выход из неопределенности в регионе пока не просматривается.

Итак, "картельные соглашения" как сценарий выхода из неопределенности включают в себя раздел ресурсов между доминирующим и подчиненными акторами и ведут к ограничению политической конкуренции и преобладанию неформальных институтов. Возникающие в их результате режимы неустойчивы и зависимы от текущей динамики

политической ситуации. В более общем плане, этот результат перехода является промежуточным (или даже "переходным") между двумя другими сценариями выхода из неопределенности – описанным выше "победитель получает все" и описанным ниже сценарием "борьбы по правилам".

"Борьба по правилам": Волгоградская область и другие

Третий сценарий выхода из неопределенности может быть обозначен как "борьба по правилам". Существование автономии акторов может быть укоренено в структуре расколов элит, что делает конфликт элит непреодолимым – особенно если отдельные линии расколов пересекаются (см. Lijphart, 1977). Если ресурсы конкурирующих акторов более или менее равны, то непреодолимость расколов делает выбор в пользу силовых стратегий маловероятным. В этом случае силовые стратегии исчерпаны, и победа в "игре с нулевой суммой" практически невозможна. В то же время, никто из акторов не имеет достаточных ресурсов для захвата положения доминирующего актора. Позиции акторов могут быть подорваны как поражением в "войне всех против всех", так и неудачей переговоров о заключении "картельного соглашения". В этих обстоятельствах следование формальным институтам может оказаться для акторов единственно надежной возможностью для выживания в условиях нового режима. Формальные институты могут стать, таким образом, "орудием" в борьбе акторов (Geddes, 1996: 18-19). Более того, если преобладание того или иного актора может быть закреплено в институциональном дизайне, то неопределенность или баланс сил способствуют в целом принятию таких норм, которые позволяли бы акторам избежать угрозы выхода из неопределенности по сценарию "победитель получает все" (см. Przeworski, 1986, 1988). Следовательно, преобладание формальных институтов может стать самоподдерживающимся, независимо от изменений состава акторов и даже безотносительно к результатам выборов. Напротив, электоральная соревновательность укрепляет формальные институты. Если в условиях *arbitrary rule* доминирующего актора массовая политика основана на господстве "политических машин" и административной мобилизации, то в условиях "борьбы по правилам" массовая политика создает среду для возникновения конкурентной партийной системы.

Своего рода модельным случаем возникновения "борьбы по правилам" в процессе перехода может служить Волгоградская область (см. Гельман, Рыженков и Бри, 2000, гл. 5). Этот регион характеризовался относительным балансом "центра" и "периферии" в позднесоветский период. Индустриальный директорат и городские управленцы обладали определенной автономией по отношению к региональным властям, тесно связанных с аграрным местничеством. Этот баланс сил был изменен в начале периода перестройки первым секретарем обкома Владимиром Калашниковым, который провел ряд "чисток" в региональной элите и предложил широкую программу мелиорации в регионе (см. Moses, 1994). Фактически, эти шаги подорвали локальные связи аграриев и столкнулись с оппозицией городских управленцев. Одновременное возникновение демократического движения в регионе (см. Fish, 1995) было поддержано городским комитетом КПСС при нейтралитете промышленников и аграриев. Политически изолированные, Калашников и весь состав обкома КПСС вынуждены были уйти в отставку в начале 1990 года после серии массовых акций протеста. Однако, горком не получил выгод от крушения областных конкурентов, в то время как мобилизация со стороны демократического движения вскоре сошла на нет. Фактически, власть перешла к областному Совету и его исполкому. В 1991 году лидер аграриев Иван Шабунин был назначен на пост губернатора области. Он пытался занять позицию

доминирующего актора, но при этом институты регионального режима оставались неопределенными. Попытки Шабунина распределять ресурсы региона в пользу аграриев наталкивались на сопротивление городских управленцев во главе с мэром Волгограда Юрием Чеховым, которые пытались достичь большей автономии. В этой борьбе Чехов (поддержанный коммунистами) использовал правовые рамки законов о местном самоуправлении (см. Матцузато, 1998) как инструмент для достижения своей цели. После того, как областной закон о местном самоуправлении был принят, Чехов победил на выборах мэра, а коммунисты заняли 21 из 24 мест в городской Думе. Неудивительно, что их антигубернаторская коалиция негативного консенсуса вскоре распалась в преддверии губернаторских выборов. В то время как Шабунин и Чехов вели борьбу друг с другом, коммунисты успешно мобилизовали протестное голосование. Их кандидат, Николай Максютя, был также поддержан аграриями, разочарованными неэффективностью политики Шабунина. Директорат, который поддерживал Шабунина, имел слишком мало ресурсов. В результате победы Максюты Шабунин утратил власть в регионе.

Характерно, что победа Максюты была связана с использованием им формальных институтов (законодательство, выборы и политические партии) в качестве механизма смены власти. Но тот же набор формальных институтов (законодательство, выборы, автономия местного самоуправления) предоставлял и Чехову возможности остаться неустранимым в условиях изменения политического климата. Он также мог лишиться власти – но лишь в рамках формальных институтов. Хотя коммунисты и их союзники – аграрии добились контроля над большинством мандатов в областной Думе, они не могли установить контроль над областным центром, где их ресурсы были весьма ограничены. Победа Чехова на новых выборах мэра в октябре 1999 года (на фоне поражения коммунистов на состоявшихся одновременно выборах городской Думы) укрепила автономию городских управленцев (поддержанных на выборах правыми и центристскими партиями) в отношении с областными властями (опиравшихся на поддержку левых сил). По крайней мере, пока существует достаточно свидетельств в пользу того, что "борьба по правилам" в этом регионе переходит в стадию "привыкания" ("habituation") (Rustow, 1970), иначе говоря, становится основой регионального политического процесса.

Волгоградская "история успеха" отнюдь не уникальна на постсоветском пространстве. Более того, неразрешимый конфликт конкурирующих акторов – если они используют формальные институты как "орудие" в своей борьбе – может серьезно повлиять на институциональный дизайн как таковой. В этом плане характерны политические реформы 1994-1997 годов в Удмуртии. Автономия региональной столицы (города Ижевска) по отношению к региональным органам власти составляла основное проблемное измерение конфликта фракций региональной элиты. Как отмечал местный обозреватель, "Конституционный процесс в республике проходил достаточно противоречиво... компромисс между различными позициями не позволил снять противоречия между группировками в региональной политической элите. Перспектива введения поста президента Удмуртской Республики совершенно естественным образом означала возможность полной победы одной из противоборствующих группировок над своими конкурентами, в то время как проигравшая сторона утрачивала значимое влияние на региональный политический процесс. На практике такой подход означал усиление конфронтации, в то время как исход борьбы был абсолютно неясен, поскольку оба главных претендента на этот пост обладали примерно равными политическими потенциалами. В условиях неопределенности Верховный Совет в результате долгих обсуждений положений Конституции пришел к выводу, что

наилучшим решением данной проблемы является отказ от введения в Удмуртии института президентства". (Егоров, 1998: 80) В результате, хотя лидер одной из группировок, Александр Волков, добился избрания на пост председателя региональной легислатуры, ему не удалось добиться монопольного господства в политической жизни региона. Попытка Волкова установить контроль над органами местного самоуправления натолкнулась на сопротивление со стороны мэрии Ижевска, и в итоге была пресечена вмешательством Конституционного Суда России. В результате процесс борьбы элитных группировок за максимизацию власти, по словам Егорова, "вынужденно протекает в конституционном русле" (Егоров, 1998: 82). Как видно, введение политической борьбы в рамки формальных институтов существенно уменьшило вероятность доминирования одного из акторов, сохраняя при этом возможности для политической конкуренции.

Необходимо отметить, однако, что влияние Конституционного Суда (как внешнего актора) на "борьбу по правилам" в Удмуртии стало возможным отнюдь не потому, что суд обладал достаточной властью в смысле реализации его решений на практике. Основанием для выживания формальных институтов стало наличие в регионе конкурирующего актора (органов местного самоуправления Ижевска), который был вынужден защищать свою автономию с их помощью и, таким образом, заинтересован в выполнении решения суда в выгодном для него направлении. Это обстоятельство становится очевидным при сравнении "удмуртского дела" с аналогичным в политическом плане случаем решения Конституционного Суда по проблеме местного самоуправления в республике Коми. По контрасту с Удмуртией, в этом регионе автономия акторов в советский период была незначительна, а расколы элит носили маргинальный характер. В отсутствие существенного сопротивления (не считая местных "демократических" активистов) республиканские лидеры Коми долгое время игнорировали судебные решения и, в конце концов, добились принятия закона о местном самоуправлении, который обслуживал их интересы (см. Alexander, 1999). В этом случае, формальные правила, хотя и были установлены, но они не создавали рамки политической конкуренции, и "борьба по правилам" – по крайней мере, пока, в регионе не возникла.

Наконец, случай Свердловской области демонстрирует наиболее продвинутое версию "борьбы по правилам". Автономия акторов в этом регионе (не только в областном центре – Екатеринбурге, но и даже в некоторых других городах) была укоренена еще в досоветский период и унаследована в форме сильно развитой ведомственности (детальный исторический обзор см. Harris, 1999). Неудивительно, что в период перестройки раскол региональной элиты сопровождался диверсификацией акторов и открытой политической состязательностью (см. Fish, 1995, Gel'man and Golosov, 1998, Люхтерхандт-Михалева и Розина, 2000). Идея создания Уральской республики, предложенная в 1993 году губернатором Эдуардом Росселем с целью достижения большей экономической автономии от Центра и извлечения региональной элитой ресурсной ренты (Easter, 1997), казалось бы, создала основу для консолидации региональной элиты. Однако после роспуска Уральской республики Россель был отправлен в отставку, региональная элита вновь утратила единство, и ни одному из акторов не удавалось достичь доминирующей позиции.

Вместе с тем Россель, утратив доступ к административным ресурсам, вынужден был использовать альтернативные механизмы электоральной мобилизации масс, стремясь вернуться к власти. Им была основана партия "Преображение отечества" (официально называвшая себя "непартийное движение"). Россель и его сторонники вынуждены были использовать формальные правила и нормы, которые были направлены на то,

чтобы ограничить возможности исхода конфликта в регионе как "игры с нулевой суммой". В частности, немалое значение имели введение в регионе пропорциональной избирательной системы и автономии местного самоуправления. В результате, даже после победы на губернаторских выборах в 1995 году Россель оказался неспособен монополизировать власть в регионе. Более того, его политические конкуренты также были вынуждены создавать партии для участия в региональных выборах (помимо региональных отделений федеральных партий, в регионе были активны и местные партии) (Gel'man and Golosov, 1998; Ляхтерхандт-Михалева и Розина, 2000). Хотя после серии выборов 1995-1999 годов региональная партийная система продолжала оставаться крайне неустойчивой, именно межпартийная конкуренция становится институциональной базой политической соревновательности в регионе – в отличие от непартийных выборов в большинстве других регионов России (Golosov, 1999b). Можно говорить о продолжающейся в регионе "борьбе по правилам": хотя Россель сохранил свой пост после победы на губернаторских выборах 1999 года, его нельзя считать доминирующим актором, чье господство не встречает институциональных ограничений.

В целом, ограничение политической власти в рамках формальных институтов создает условия, не благоприятствующие возврату/переходу акторов к силовым стратегиям. Трансляция этой борьбы на поле электоральной состязательности создает среду для возникновения различных вариантов конкурентных партийных систем. В этом смысле, именно открытые конфликты элит (и, отчасти, социетальные конфликты), а отнюдь не "пакты" или "соглашения", могут ограничить влияние неформальных институтов и вести к усилению влияния политического общества. Таким образом, "борьба по правилам" как сценарий выхода из неопределенности представляет собой единственную возможность создания институциональных рамок как предпосылок для дальнейшей демократизации в смысле горизонтальной подотчетности и ограничений возможностей по захвату власти доминирующим актором.

Тем не менее, "борьба по правилам" еще не означает возникновение полноценного демократического режима, поскольку на раннем этапе этой "борьбы" нет гарантий устойчивого выживания формальных институтов безотносительно к изменению состава политических акторов. Минималистский тест двукратной смены власти на конкурентных выборах в условиях демократического режима, предложенный Сэмюэлем Хантингтоном (Huntington, 1991: 266-267), полезен как индикатор зрелости формальных институтов и легитимности нового режима. Лишь по преодолении этого рубежа правила и нормы, принятые всеми конкурирующими акторами, могут хотя бы в перспективе трансформироваться в "единственную признаваемую всеми игру". По контрасту с "авторитарной ситуацией", непосредственные последствия "борьбы по правилам" могут быть расценены как "демократическая ситуация", которая остается нестабильной, по крайней мере, до преодоления определенного рубежа (Collier and Levitsky, 1997: 446). Возвращаясь к дискуссии о влиянии массового участия на процесс демократизации, можно предположить, что возникновение "гражданственности" (как на уровне установок, так и поведения масс) может стать следующим рубежом на пути к демократизации, но оно не является значимым на этапе выхода из неопределенности. "Арены" демократии (Linz and Stepan, 1996) не могут возникать одновременно. Движение шаг за шагом от автономии акторов и структурных расколов через соревновательность и установление формальных институтов – и лишь затем к формам демократического политического участия – кажется хотя и долгим по срокам, но более надежным путем достижения демократии, нежели попытки ее установления просто "по умолчанию".

В целом, различие предпосылок перехода, сценариев выхода из неопределенности и характеристик новых политических режимов представлено в Таблице 6.

Таблица 6. Расколы элит, сценарии выходов из неопределенности, и характеристики новых режимов: случаи российских регионов

Инцидент (название)	Раскол элит и его значимость	Исход внутри-элитных конфликтов	Выход из неопределенности	Характеристики новых политических режимов
"Победитель получает все" (Саратовская область)	директорат предприятий vs. аграрии (незначительный)	"игра с нулевой суммой"	"авторитарная ситуация"	монополия доминирующего актора, неформальные институты
"Картельное соглашение" (Нижегородская область, 1991-1998)	городские управленцы vs. директорат предприятий vs. областные управленцы (ограниченный)	частично элиминирован благодаря неформальным соглашениям об обмене ресурсами	гибридный режим	раздел власти между доминирующим и подчиненными акторами, неформальные институты
"Борьба по правилам" (Волгоградская область)	городские управленцы vs. аграрии (значимый)	конфликт не разрешен и создал основу электоральной конкуренции	"демократическая ситуация"	конкуренция акторов, формальные институты, движение к rule of law

Заключение: разгадка или новая загадка?

Итак, что же нового мы можем узнать, исследуя трансформации политических режимов в российских регионах (и некоторых других постсоветских обществах) в сравнительной перспективе? Эмпирические свидетельства как будто бы подтверждают представленную в докладе модель демократии и демократизации – по контрасту с существующими в политической науке моделями (Held, 1996) ее можно было бы назвать "институциональной демократией" – и, в определенной мере, можно говорить о решении "загадки" переходов. Но являются ли эти свидетельства реальной разгадкой или мы имеем дело лишь с временно наблюдаемыми феноменами, которые исчезнут вскоре после презентации доклада или даже ранее? Или же особенности российских регионов и других постсоветских обществ таковы, что решение "загадки" применимо только к анализу политики на некоторых конкретных территориях? Иначе говоря, идет ли речь о разгадке или всего лишь о новой "загадке"? Разумеется, ответ на этот вопрос невозможен без систематического сравнительного исследования долгосрочных тенденций политического развития на значительном массиве региональных и национальных случаев. Дополнив эту дискуссию более глубокой перспективой анализа, будущие исследования позволят судить о том, в какой мере наш подход применим для анализа переходов вообще и политических режимов российских регионов частности. Но, даже основываясь на ограниченном числе случаев, можно

сделать некоторые предварительные выводы об условиях демократизации в России и пост-СССР.

Итак, каковы условия успешного перехода к демократии в регионах России (и, возможно, на других территориях)? Во-первых, возникновение политической конкуренции в рамках формальных институтов становится возможным лишь при существовании структурных предпосылок внутриэлитного конфликта – таких, как укорененная (embedded) автономия акторов и неустранимые расколы элит – но не просто в силу намерений участников процесса перехода. Во-вторых, эти конфликты не должны иметь разрешения по принципу "игры с нулевой суммой", то есть не иметь завершением полную победу одного из акторов. В-третьих, эти конфликты не должны быть элиминированы патронажной политикой и "картельными соглашениями". В-четвертых, наконец, инсталляция институциональных изменений и формальных институтов (прежде всего, но не только – конкурентных выборов) должна перенести внутриэлитные конфликты как в правовые рамки, так и на арену электоральной политики. В свете этих наблюдений случаи успешной демократизации могут быть объяснены как "обусловленный путь" – своего рода диахроническая проекция следующих условий (см. Karl, 1990, Gel'man and Golosov, 1998):

- 1) структурные расколы, задающие рамки структуры политических возможностей акторов, делают их конкуренцию неизбежной и неустранимой;
- 2) актуализация внутриэлитных расколов в процессе инсталляции формальных институтов влечет за собой использование формальных норм и правил в качестве орудия в борьбе за политическое выживание;
- 3) перенос внутриэлитных и социетальных расколов на поле электоральной конкуренции, если он проходит в условиях фиксированной конфигурации соревновательных акторов в рамках формальных институтов, делает процесс демократизации самоподдерживающимся (self-sustainable).

Последнее замечание о самоподдерживающемся процессе демократизации отражает представление о различной значимости "структурных" и "процедурных" факторов на различных этапах перехода. Как можно заметить, автономия акторов и структурные расколы воздействуют, прежде всего, на процесс ослабления прежнего режима, в то время как крушение прежнего режима и период неопределенности (включая выход из неопределенности) в основном связан со стратегическим выбором акторов (который, в свою очередь, обусловлен, но не полностью определен структурными факторами). Но выживание нового режима (безотносительно к характеристикам "авторитарной" или "демократической" ситуации либо "чему-то еще") вновь становится более зависимым от структурных факторов. В этом отношении трудно ожидать появления полноценной соревновательности акторов и усиления формальных институтов в Саратовской области или в Беларуси. Маловероятно также и возникновение неконкурентного режима *arbitrary rule* в Волгоградской или Свердловской области в результате воздействия внутренних акторов. Однако невозможно понять логику перехода в отдельно взятом регионе или стране без учета воздействия внешней (национальной или международной) среды на эти процессы. Но эти вопросы должны стать частью новой "загадки", выходящей за пределы настоящей работы.

В более общем плане, следует отметить, что демократия не рождается "по умолчанию" (или даже по плану "демократов"). Она становится неизбежной вовсе не потому, что политики, которые называют себя "демократами", занимают властные позиции – даже если ими движут добрые намерения. Демократия – это "обусловленный исход конфликта" (Przeworski, 1988) – и не более того. Если политическая конкуренция акторов продолжает развиваться, переходы к демократии могут оказаться успешными.

В этом смысле известная фраза Черчилля о демократии как о худшей форме правления за исключением всех остальных означает лишь то, что соревновательность в рамках формальных институтов является всего лишь "наименьшим злом" по сравнению с иными последствиями переходов. Вопрос, однако, состоит в том, в какой мере акторы переходного периода в России и других обществах готовы терпеть "зло" демократии как действительно "наименьшее".

© Владимир Гельман, 2000

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев, Михаил (1997). Клиентелизм и российская государственность. М.: Московский общественный научный фонд.
- Банс, Валери (1993). Элементы неопределенности в переходный период. Полис, 1, сс. 44-51.
- Борисов, Сергей (1996). Постоянные и переменные величины регионального политического процесса до и после выборов, в: Сергей Борисов (ред.). Нижегородские выборы-95: новые тенденции и старые уроки. Нижний Новгород: издательство Волго-Вятской академии государственной службы, сс. 34-40.
- Вайнштейн, Григорий (1997). Посткоммунистическое развитие глазами западной политологии. Мировая экономика и международные отношения, 8, сс. 139-48, 9, сс. 134-44.
- Галлямов, Рушан (1998). Политические элиты российских республик: особенности трансформации в переходный период. Полис, 2, сс.108-115.
- Гельман, Владимир (1997). "Transition" по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России. Общественные науки и современность, 4, сс. 64-81.
- Гельман, Владимир (1998). Консолидация региональных элит и местная демократия в России: Санкт-Петербург в сравнительной перспективе, в: Самуил Кугель (ред.) Социальные и политические ориентации Санкт-Петербургской элиты. СПб: издательство Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, сс. 74-85.
- Гельман, Владимир (1999). "Сообщество элит" и пределы демократизации: Нижегородская область. Полис, 1, сс. 79-97.
- Гельман, Владимир, Сергей Рыженков и Михаэль Бри (ред.) (2000). Россия регионов: трансформация политических режимов. М.: Весь мир (в печати).
- Голосов, Григорий (1997). Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов. Полис, 4, сс. 44-56.
- Голосов, Григорий (1999). Партийные системы России и стран Восточной Европы. М.: Весь мир.
- Егоров, Игорь (1998). Удмуртская республика, в: Владимир Гельман и др. (ред.). Органы государственной власти субъектов Российской Федерации. М.: Институт гуманитарно-политических исследований, сс. 79-82.
- Зудин, Андрей (1996). Россия: бизнес и политика (стратегии власти в отношениях с группами давления и бизнеса). Мировая экономика и международные отношения, 5, сс. 17-25.
- Люхтерхандт-Михалева, Галина и Екатерина Розина (2000). Свердловская область, в: Сергей Рыженков и др. (ред.). Столицы российской провинции. Портрет четырех регионов: история, политика, культура. М.: Институт гуманитарно-политических исследований (в печати).
- Магомедов, Арбахан (1995). Корпорация "Калмыкия" – выражение идеологии правящей региональной элиты. Мировая экономика и международные отношения, 12, сс. 106-113.
- Макфол, Майкл и Николай Петров (ред.) (1998). Политический альманах России 1997. М.: Московский центр Карнеги.
- Матцузато, Кимитака (ред.) (1998). Третье звено государственного строительства в России: подготовка и принятие федерального закона "Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации". Sapporo: Hokkaido University, Slavic Research Center, Occasional Papers in Slavic-Eurasian World, No. 73.

- Мельвиль, Андрей (1998). Опыт теоретико-методологического синтеза структурных и процедурных подходов к демократическим транзитам. Полис, 2, сс. 6-38.
- Петров, Николай (1999). Отношения "центр-регионы" и перспективы территориально-государственного переустройства страны, в: Николай Петров (ред.). Регионы России в 1998 году. М.: Гендальф, сс. 57-69.
- Рабинович, Игорь и Сергей Фуфаев (1997). Хозяин. Штрихи к политическому портрету Муртазы Рахимова. Pro et Contra, 2 (2), сс. 71-84.
- Рыженков, Сергей (1997). Саратовская область (1986-1996): политика и политики, в: Кимитака Матсузато и Александр Шатилов (ред.). Регионы России: хроника и руководители. Том 2. Sapporo: Hokkaido University, Slavic Research Center, Occasional Papers in Slavic-Eurasian World, No. 34, сс. 83-331.
- Сенатова, Ольга (1996). Региональный авторитаризм на стадии его становления, в: Татьяна Заславская (ред.). Куда идет Россия? Трансформация постсоветского пространства. М.: Аспект-Пресс, сс. 146-151.
- Alexander, James (1999). Pluralism in the Komi Republic ? Overcoming Executive Resistance Demokratizatsiya, 7 (3): 370-382.
- Almond, Gabriel and Sidney Verba (1963). The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Belin, Laura (1997). All Sides Claim Victory in 1996 Gubernatorial Elections. Transitions, 3 (3), pp. 24-27.
- Brie, Michael (1997). The Political Regime of Moscow – Creation of a New Urban Machine? Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung Working Papers, P 97-002.
- Bunce, Valerie (1995a). Should Transitologists be Grounded ? Slavic Review, 54 (1), pp. 109-127.
- Bunce, Valerie (1995b). Paper Curtians and Paper Tigers. Slavic Review, 54 (4), pp. 979-987.
- Burton, Michael, John Higley and Richard Gunther (1992a). Introduction: Elite Transformations and Democratic Regimes, in John Higley and Richard Gunther (eds.). Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe. Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 1-37.
- Burton, Michael, John Higley and Richard Gunther (1992b). Elite and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe: An Overview, in John Higley and Richard Gunther (eds.). Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe. Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 323-348.
- Case, William (1996). Can the "Halfway House" Stand ? Semidemocracy and Elite Theory in Three Southeast Asian Countries. Comparative Politics, 28 (4), pp. 437-464.
- Collier, David and Steven Levitsky (1997). Democracy with Adjectives. Conceptual Innovation in Comparative Research. World Politics, 49 (3), pp. 430-451.
- Colton, Timothy (1995). Moscow: Governing the Socialist Metropolis. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Dahl, Robert (1971). Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press.
- Diamond, Larry (1996). The End of Third Wave of Democratization ? Journal of Democracy, 7 (3), pp. 20-37.
- Easter, Gerard (1997). Redefining Centre-Regional Relations in the Russian Federation: Sverdlovsk Oblast' Europe-Asia Studies, 49 (4), pp. 617-635.
- Eisenstadt, Smuel (1978). Revolution and Transformation of Societies. New York: Free Press.
- Eisenstadt, Smuel (1992). Center-Periphery Relations in the Soviet Union: Some

- Interpretative Observations, in Alexander Motyl (ed.). Thinking Theoretically About Soviet Nationalities. History and Comparison in the Study of the USSR. New York: Columbia University Press, pp. 205-222.
- Fish, M. Steven (1995). Democracy from Scratch. Opposition and Regime in a New Russian Revolution. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Furman, Dmitrii (1999). "Centres" and "Peripheries". The Political Systems of the Three East Slavic Republics. Russian Politics and Law, 37 (2), pp. 16-35.
- Geddes, Barbara (1996). Initiation of New Democratic Institutions in Eastern Europe and Latin America, in: Arend Lijphart and Carlos Waisman (eds.). Institutional Design in New Democracies. Eastern Europe and Latin America. Boulder, CO: Westview, pp. 15-41.
- Gel'man, Vladimir (1999). Regional Power in Contemporary Russia: Institutions, Regime and Practice. Russian Politics and Law, 37 (1), pp. 5-29.
- Gel'man, Vladimir and Vitalii Elizarov (1999). Russia's Transition and Founding Elections, in Vladimir Gel'man and Grigorii Golosov (eds.) Elections in Russia, 1993-1996. Berlin: Edition Sigma, pp. 19-46.
- Gel'man, Vladimir and Grigorii Golosov (1998). Regional Party System Formation in Russia: The Deviant Case of Sverdlovsk Oblast'. Journal of Communist Studies and Transition Politics, 14 (1/2), pp. 31-53.
- Golosov, Grigorii (1999). From Adygeya to Yaroslavl': Factors of Party Development in the Regions of Russia. Europe-Asia Studies, 51 (8), pp. 1133-1165.
- Hahn, Jeffrey W. (1997). Democratization and Political Participation in Russia's Regions, in Karen Dawisha and Bruce Parrott (eds.) Democratic Changes and Authoritarian Reactions in Russia, Ukraine, Belarus', and Moldova. Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 130-174.
- Harris, James R. (1999). The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Held, David (1996). Models of Democracy. 2nd edition. Cambridge, UK: Polity Press.
- Higley, John and Michael Burton (1989). Elite Variables in Democratic Transitions and Breakdowns. American Sociological Review, 54 (1), pp. 17-32.
- Hough, Jerry F. (1969). The Soviet Prefects. The Local Party Organs in Industrial Decision-Making. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Hughes, James (2000). Transition Models and Democratization in Russia, in Mike Bowker and Cameron Ross (eds.). Russia After the Soviet Union. Harlow: Longman, pp. 21-49.
- Huntington, Samuel (1991). The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, OK, and London: University of Oklahoma Press.
- Huntington, Samuel (1996a). Democracy for the Long Haul. Journal of Democracy, 7 (2), pp. 3-13.
- Huntington, Samuel (1996b). The Clash of Civilizations and Remaking the World Order. New York: Simon and Schuster.
- Karl, Terry (1990). Dilemmas of Democratization in Latin America. Comparative Politics, 23 (1), pp. 1-21.
- Karl, Terry and Philippe Schmitter (1991). Models of Transition in Latin America, Southern and Eastern Europe. International Social Science Journal, 43 (128), pp. 269-284.
- Kirkow, Peter (1995). Regional Warlordism in Russia: The Case of Primorskii Krai. Europe-Asia Studies, 47 (6), pp. 923-947.
- Kirkow, Peter (1998). Russia's Provinces: Authoritarian Transformation versus Local Autonomy? London: Macmillan.
- Lijphart, Arend (1975). The Comparable-Case Strategy in Comparative Research. Comparative Political Studies, 8 (2), pp. 158-175.

- Lijphart, Arend (1977). Democracy in Plural Societies: Comparative Exploration. New Haven and London: Yale University Press.
- Linz, Juan (1973). The Future of the Authoritarian Situation or Institutionalization of an Authoritarian Regime: The Case of Brazil, in Alfred Stepan (ed.) Authoritarian Brazil. Origins, Policies and Future. New Haven and London: Yale University Press, pp. 233-254.
- Linz, Juan (1990). Transitions to Democracy. Washington Quarterly, 13 (3), pp. 143-164.
- Linz, Juan and Alfred Stepan (1996). Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press.
- Lipset, Seymour Martin (1959). Economic Development and Democracy. American Political Science Review, 53 (1), pp. 69-105.
- Lipset, Seymour Martin (1994). The Social Requisites of Democracy Revisited: 1993 Presidential Address. American Sociological Review, 59 (1), pp. 1-22.
- Lipset, Seymour Martin and Stein Rokkan (1967). Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignment, in Seymour Martin Lipset and Stein Rokkan (eds.) Party System and Voter Alignment: Cross-National Perspectives. New York: Free Press, pp. 1-64.
- Marks, Gary (1992). Rational Sources of Chaos in Democratic Transition. American Behavioral Scientist, 35 (4/5), pp. 397-421.
- McAllister, Ian and Stephen White (1994). Political Participation in Postcommunist Russia: Voting, Activism and the Potential for Mass Protest. Political Studies, 42 (4), pp. 593-615.
- McAuley, Mary (1997). Russia's Politics of Uncertainty. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Melvin, Neil (1998). The Consolidation of a New Regional Elite: The Case of Omsk (1987-1995). Europe-Asia Studies, 50 (4), pp. 619-650.
- Moses, Joel C. (1994). Saratov and Volgograd, 1990-1992. A Tale of Two Russian Provinces, in Theodore H. Friedgut and Jeffrey W. Hahn (eds). Local Power and Post-Soviet Politics. Armonk, NY, and London: M.E.Sharpe.
- Muller Edward W. and Seligson Mitchell A. (1994). Civic Culture and Democracy: The Question of Causal Relationships. American Political Science Review, 88 (3), pp. 635-652.
- North, Douglass (1990). Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- O'Donnell, Guillermo and Philippe Schmitter (1986). Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press.
- O'Donnell, Guillermo (1994). Delegative Democracy. Journal of Democracy, 5 (1), pp. 55-69.
- O'Donnell, Guillermo (1996). Illusions About Consolidation. Journal of Democracy, 7 (2), pp. 34-51.
- O'Donnell, Guillermo (1998). Horizontal Accountability in New Democracies. Journal of Democracy, 9 (3), pp. 112-126.
- Ortung, Robert (1995). From Leningrad to St.Petersburg. Democratization in a Russian City. London: Macmillan.
- Petro, Nikolai (1999). The Novgorod Region: A Russian Success Story. Post-Soviet Affairs, 15 (3), pp. 235-261.
- Przeworski, Adam (1986). Some Problems in the Study of Transition to Democracy, in: Guillermo O'Donnell, Philippe Schmitter, and Lawrence Whitehead (eds.). Transitions from Authoritarian Rule: Comparative Perspectives. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, pp. 47-63.
- Przeworski, Adam (1988). Democracy as a Contingent Outcome of Conflicts, in: Jon Elster,

- Ruge Slagstad (eds.). Constitutionalism and Democracy. Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 59-80.
- Putnam, Robert (1993). Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Rokkan, Stein et al. (1970). Citizens, Elections, Parties. Approaches to the Comparative Study of the Process of Development. Oslo: Universitetsforlaget.
- Rokkan, Stein (1977). Toward a Generalized Concept of Verzuiling: A Preliminary Note. Political Studies, 25 (4), pp. 563-570.
- Rustow, Dankwart (1970). Transitions to Democracy: Toward a Dynamics Model. Comparative Politics, 2 (3), pp. 337-363.
- Rutland, Peter (1993). The Politics of Economic Stagnation in the Soviet Union: The Role of Local Party Organs in Economic Management. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Schmitter, Philippe and Terry Karl (1991). What Democracy Is... and Is Not. Journal of Democracy, 2 (3), pp. 75-87.
- Schmitter, Philippe and Terry Karl (1994). The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far to the East They Attempt to Go ? Slavic Review, 53 (1), pp. 173-185.
- Schmitter, Philippe and Terry Karl (1995). From an Iron Curtian to a Paper Curtian: Grounding Transitologists or Students of Postcommunism ? Slavic Review, 54, (4), pp. 965-978.
- Schumpeter, Joseph (1947). Capitalism, Socialism, and Democracy. New York: Harper and Row.
- Shevtsova, Lilia (1999). Yeltsin's Russia. Myths and Reality Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.
- Skilling, H.Gordon, and Franklyn Griffiths (eds.) (1971). Interest Groups in Soviet Politics. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Solnick, Steven (1998). Gubernatorial Elections in Russia, 1996-1997. Post-Soviet Affairs, 14 (1), pp. 48-80.
- Solnick, Steven (1999). Methods of Central Control Over Russia's Provinces, and Prospects for the Future. Cambridge, MA: Davis Center for Russian Studies, Harvard University, PONARS Policy Papers, No. 97.
- Stoner-Weiss, Kathryn (1997). Local Heroes. The Political Economy of Russian Regional Governance. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Stoner-Weiss, Kathryn (1999). Central Weakness and Provincial Autonomy: Observations of the Devolution Process in Russia. Post-Soviet Affairs, 15 (1), pp. 87-106.
- Styckow, Petra (1999). Elite Transformation in the Saratov Region, in Vladimir Shlapentokh, Christopher Vanderpool, and Boris Doktorov (eds.). The New Elite in Post-Communist Eastern Europe. College Station, Texas A&M University Press, pp. 201-222.
- Treisman, Daniel (1997). Russia's "Ethnic Revival". The Separatist Activism of Regional Leaders in a Postcommunist Order. World Politics, 49 (2), pp. 212-249.
- Verba, Sidney, Norman Nie, and Jae-on Kim (1978). Participation and Political Equality: A Seven-Nation Comparison. Cambridge: Cambridge University Press.
- Volkov, Vadim (1999). Violent Entrepreneurship in Russia. Europe-Asia Studies, 51 (5), pp. 741-754.